

РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ В ВЕРХНЕЙ ВОЛЬТЕ / БУРКИНА-ФАСО (1960–2021 гг.)*

Андрей Витальевич Коротаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

Дарья Алексеевна Бобарыкина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Алина Александровна Хохлова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Постколониальная история Буркина-Фасо достаточно богата на революционные события. В этот период истории страны обнаруживаются два достаточно специфических революционных события (1965–66 и 2014 гг.), относящихся к типу, довольно характерному для стран Северо-Восточной и Западной Африки, а именно куволуции – специфическому типу революционных процессов, когда за революционной массовой мобилизацией на первой фазе следует военный переворот на второй фазе революционного процесса; при этом в ходе данного переворота реализуются многие требования участников первой фазы куволуционного процесса. Помимо этого, в Верхней Вольте / Буркина-Фасо фиксируются ярко выраженный аналог революции – Санкаристская революция 1983–1987 гг., а также революционный эпизод 2011 г., прямо связанный с событиями Арабской весны. Проведенный анализ также позволил выделить два вооруженных исламистских революционных выступления. Арабская весна оказала сильное воздействие на социально-политическое развитие Буркина-Фасо. Она послужила триггером революционных событий 2011 г. (революционного эпизода, который возможно имеет смысл трактовать как неудавшуюся революцию). Недовольные условиями жизни в стране население вышло на улицы с призывами к правительству уйти в отставку. Ввиду отсутствия сплоченности среди выступавших протестные

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

акции были взяты под контроль правительством и подавлены, в итоге президент Блез Компаоре смог удержаться у власти. При этом, события Арабской весны повлияли на успех куволуции 2014 г., обернувшейся падением режима Б. Компаоре, с одной стороны, и ростом уровня терроризма в стране, с другой. Последнее, в свою очередь, частично стало возможно из-за роспуска Президентской гвардии в 2015 г., которая, предвидя угрозу своей ликвидации руками новой власти, в сентябре захватила представителей переходного правительства, однако уже через неделю отказалась от своих претензий на власть под давлением подконтрольной новому правительству армии. Последовавшие за этим ослабление потенциала государства и проникновение в страну международных террористических группировок, прежде всего, ал-Каиды¹ и Исламского государства², которые начали борьбу между собой за контроль над регионом Сахеля, привели к началу двух вооруженных исламистских революционных выступлений внутри страны.

Хотя Буркина-Фасо получила формальную независимость от Франции в 1960 г., социально-политическое развитие этой страны до сих пор во многом определяется внешними факторами: кроме уже принимающейся за данность гуманитарной зависимости от бывшей метрополии, после падения режима Б. Компаоре Буркина-Фасо стала ареной борьбы между радикальными исламистскими группировками за контроль над регионом Сахеля (о деятельности радикальных исламских революционно-террористических групп в зоне Сахеля и в Африке в целом см. также: Фитуни, Абрамова 2014; Лебедева 2015; Бабкин 2018; 2021; Фитуни 2018; Жерлицына 2020; Гринин 2020г; 2020д; Денисова, Костелянец 2021; Huckabey 2013; De Castelli 2014; Harmon 2014; Lounnas 2014; 2019; Kalyvas 2015; Walther, Christopoulos 2015; Ibrahim 2017; Baldaro, Seydou 2020; Nsaibia, Weiss 2020). Что касается внутренней нестабильности, то, после революционных событий 1965–1966 и 1983–1987 гг., в новом тысячелетии страна пережила неудавшуюся революцию 2011 г., успешную революцию 2014 г. и попытку контрреволюции/

¹ Данная организация признана в соответствии с законодательством РФ террористической, а ее деятельность на территории России запрещена.

² Данная организация признана в соответствии с законодательством РФ террористической, а ее деятельность на территории России запрещена.

государственного переворота в сентябре 2015 г. В данной работе рассмотрены и проанализированы указанные революционные события, а также представлена типология этих революционных событий. Статья основана в заметной степени на результатах полевых исследований, проведенных в столице Буркина-Фасо, Уагадугу, с 26 октября 2021 по 29 октября 2021, а также анализе существующих источников и литературы.

Буркина-Фасо занимает площадь примерно 275 тыс. км², население страны составляет более 22 млн человек. Согласно данным Всемирного Банка, на 2020 г. Буркина-Фасо входит в топ-20 беднейших стран мира по ВВП на душу населения (2,161 доллар США по ППС) (Коротаев, Устюжанин 2021; World Bank 2021). Основу экономики Буркина-Фасо составляет сельское хозяйство, экспорт продукции легкой и горнодобывающей промышленности. По всей стране имеются значительные запасы полезных ископаемых, но добывается преимущественно золото (Lane, Milesi-Ferretti 2007) – Буркина-Фасо занимает четвертое место по производству золота в Африке. При этом разведкой и добычей золота в Буркина-Фасо занимаются компании из Австралии, Великобритании и Канады³. Значительные месторождения углеводородов в Буркина-Фасо отсутствуют.

Буркина-Фасо является светским государством. Ислам, христианство и традиционные религиозные верования коренных народов составляют религиозную карту жизни населения африканской страны. Официальной государственной религии не существует. Больше 60 % населения Буркина-Фасо составляют мусульмане, преимущественно суннитского толка, 20 % – католики, 4 % принадлежат к различным протестантским группам и 15% придерживаются традиционных верований. Менее 1 % являются атеистами. Многие мусульмане и христиане часто одновременно придерживаются некоторых аспектов традиционных или анимистических религиозных верований. Мусульмане проживают в основном в северных, восточных и западных приграничных регионах, а христи-

³ Goldrush Resources, Gryphon Minerals Ltd, Orbis Gold Limited и Golden Rim Resources из Австралии, Cluff Gold и Randgold Resources Ltd. из Великобритании, а также канадские компании Channel Resources Ltd., Etruscan Resources, Goldbelt Resources Ltd., High River Gold Mines Ltd., Orezone Gold Corporation., Riverstone Resources Inc. и Societe Semafo.

ане – в центре страны. Традиционные и анимистические религиозные верования исповедуются по всей стране, особенно в сельских общинах. В столице проживает смешанное мусульманское и христианское население.

Как отмечает А. Харт, причины конфликтов между жителями страны имеют не столько религиозно-этнический характер, сколько экономический (Hart 2014). Так, наиболее распространенный этнический конфликт имеет место между этнической группой фульбе (фулани) и другими этническими группами, в том числе и самой многочисленной – моси, большинство из которых добывают основные средства к существованию путем ведения натурального земледельческого хозяйства. Сами же фульбе являются скотоводческим народом. Ввиду различных принципов ведения хозяйства возникают конфликты между общинами, ведущими оседлое земледельческое и полукочевое скотоводческое хозяйство (о конфликтах между скотоводами и земледельцами в зоне Сахеля см.: Гринин 2020а; 2020б). При этом, этот экономический конфликт обычно не имеет насильственных проявлений. А. Харт считает, что этот конфликт часто реализуется через ритуальное подшучивание, поддразнивание и насмешки – *parente a plaisanterie* (Hart 2014).

Несмотря на высокий уровень бедности населения страны, наличие многочисленных профессиональных групп и географическую близость к странам с различным уровнем религиозного насилия, для Буркина-Фасо долгое время было характерно довольно мирное сосуществование представителей различных конфессий (Crisis Group 2016; Hart 2014: 172). Отмечается, что в культуре буркинийцев религиозная принадлежность до самого последнего времени имела «вторичную значимость» (Crisis Group 2016).

Мусульмане, христиане и представители других конфессий, а также разных этнических групп достаточно мирно уживались друг с другом. Так, например, родители одного из президентов Буркина-Фасо Тома Санкары (о политической значимости и влиянии которого на социально-политические процессы в стране пойдет речь ниже) «принадлежали к разным социолингвистическим общностям: отец представлял культурно и политически доминирующее в стране большинство моси, а мать принадлежала к фульбе. Соответственно, в родоплеменной структуре моси их сын принадлежал к числу «силми-моси», то есть неполноценных моси. Приме-

чительно, что сам президент гордился этим, а многие его соотечественники и поныне считают этот факт своего рода символом национального, гражданского единства, знаком победы над племенной рознью» (Филиппов 2015: 53). В целом, несмотря на превалирование этнической группы моси в составе населения Буркина-Фасо, представляется невозможным говорить о политическом лидерстве данной группы (Ключников 2015: 218).

История политических режимов в Верхней Вольте до 1983 г. может быть представлена в виде следующей таблицы (см. Табл. 1):

Табл. 1. Анализ локализации событий в процессе социально-политической дестабилизации

Номер этапа	Период	Режим	Президент
1	1960–1966	Гражданская однопартийная гегемония (антимарксистская)	Маурис Ямеого
2	1966–1970	Контроль страны военными при поддержке умеренных социалистических партий и объединений	Сангуле Ламизана
3	1970–1974	Либерализованный контроль страны военными при гражданском правительстве и ограниченном политическом плюрализме	Он же
4	1974–1978	Правление военных	Он же
5	1978–1980	Ограниченная мультипартийная демократия	Он же
6	1980–1983	Правление военных	Генерал Сайе Зербо, Капитан Джозеф Уэдраого

Источник данных: Stroh 2021: 354.

В контексте данной работы наибольший интерес для нас представляет переход от первого ко второму этапу, так как он произошел в результате так называемой куволуции⁴.

⁴ Куволуция ~ *coup-volution*; понятие образовано в результате сочетания слов *coup* («переворот») и *revolution* («революция»); представляет собой достаточно специфический тип революционных процессов, когда революционная массовая мо-

«Новогодняя революция» 1965–1966 гг. в Верхней Вольте

Тип события: куволуция.

Длительность активной фазы: 27 декабря 1965 г. – 3 января 1966 г.

Повод: недостоверные результаты президентских выборов (99,98 % голосов в пользу правившего президента при явке 8,4 %) и недостоверные результаты парламентских выборов (99,97 % голосов в пользу правящей партии при явке меньше 10 %); скандал вокруг новой первой леди страны.

Причины: фискальный кризис, массовое сокращение зарплат госслужащих и семейных пособий при повышении налогов на фоне крайне высокой коррупции.

Политические силы во главе события: Вольтийский профессиональный союз работников/ВПСР (*Union syndicale des travailleurs voltaïque/USTV*), Африканская конфедерация верующих работников/АКВР (*Confédération africaine des travailleurs croyants/SATC*)⁵, Комитет межпрофсоюзного действия (*Comité d'action intersyndicale*) во главе с Жозефом Уедраого, часть военного руководства во главе с Сангуле Ламизаной.

Вмешательство извне: данные отсутствуют.

Результат: свержение режима Мориса Ямеого военными под руководством подполковника Сангуле Ламизаны, установление военного правления.

Количество жертв: незначительно.

Главной формой революционной мобилизации конца 1965 – начала 1966 гг. была всеобщая забастовка, парализовавшая страну, с последующими массовыми демонстрациями и беспорядками. Основным триггером послужили сокращение бюджетных выплат и одновременное увеличение налогов, ударившие, в первую очередь, по профсоюзам, а причин для выступления было еще больше, не-

биллизация на первой фазе сопровождается военным переворотом на второй фазе революционного процесса; при этом в ходе данного переворота реализуются многие требования участников первой фазы куволуционного события. Подробнее см.: Коротаяев, Лиокумович, Хохлова 2021; см. также: Гринин, Коротаяев 2021.

⁵ Изначально была ответвлением Французской ассоциации работников-христиан.

которые из них волновали общественность еще с самого начала независимости (Кривушин 2012б; Phelan 2016; Harsch 2017).

Практически при самом приходе к власти президент установил однопартийный режим без изменения конституции, которая предполагала многопартийность (Hitman 2020: 105), тем самым лишив оппозиционные партии легальных возможностей для работы, а выступавшие против этой инициативы подвергались репрессиям. Целью первого лидера было выстраивание политической системы с простой иерархией: все политические институты и движения контролируются партией, а партия – национальным лидером. В результате перевода всех оппозиционеров в нелегальное поле многие из них присоединялись к деятельности профсоюзных альянсов. В основном эти профсоюзы состояли из «белых воротничков» Уагадугу и других крупных городов, которые работали на правительство (60 % всех госслужащих), либо в частном секторе (20 % всех работников частных предприятий) (Phelan 2016). Профсоюзные организации представляли собой достаточно сплоченные сообщества работников одной сферы, некоторые из них объединялись в альянсы и сотрудничали с правительством, другие бойкотировали предложения президента войти в подконтрольные правящей партии структуры, за последнее к профсоюзным лидерам применялись жесткие санкции.

Помимо профсоюзов и нелегализованных партий недовольны были и простые жители страны, наблюдавшие за противоречащим канонам католической церкви разводом президента с первой женой, его последующей женитьбой на «королеве красоты» из Кот-д'Ивуара Сюзане де Монако и дорогостоящим медовым месяцем в 1965 г., когда лишь недавно получившая де-юре независимость страна пыталась выйти из сложного экономического положения. Примечательно, что скандальная свадьба имела место сразу после президентских выборов октября 1965 г., на которых М. Ямеого переизбрался, получив 99,98 % голосов при явке меньше 10 % (Phelan 2016: 113).

Последней каплей в чаше терпения населения стала попытка правительства пополнить государственную казну путем сокращения бюджетных выплат, в том числе и зарплат госслужащих, входящих в профсоюзы, и одновременно повысить налоги в конце декабря 1965 г.

Первой голос подала наиболее организованная оппозиционная сила страны – профсоюзы. 27 декабря 1965 г. Вольтийский профессиональный союз работников/ВПСР (*Union syndicale des travailleurs voltaïque/USTV*) на своем чрезвычайном съезде призвал другие профсоюзы к совместным действиям. Переговоры профсоюзов с властями 31 декабря ничего не дали, и в тот же день был создан Комитет межпрофсоюзного действия/КМД (*Comité d'action inter-syndicale*) во главе с Жозефом Уэдраого, представлявшим Африканскую конфедерацию верующих работников/АКВР (*Confédération africaine des travailleurs croyants/CATC*). На следующий день КМД призвал к всеобщей забастовке. В ответ Президент М. Ямеого выступил по радио с заявлением, в котором обвинил лидера КМД Жозефа Уэдраого в том, что он продался коммунистам.

3 января 1966 г. все крупные города были охвачены забастовками и другими акциями протеста, столица была парализована. На протесты вышли не только госслужащие и работники предприятий, но и студенты и даже домохозяйки. Процессия восставших двигалась с самого утра к президентскому дворцу с плакатами «Мы – 0,02 %» (намек на то, что согласно официальным данным, именно столько проголосовало в октябре 1965 г. против М. Ямеого), «Армия от народа и для народа», «Армию к власти». Ситуацией воспользовалась часть военного руководства страны для выполнения главного требования выступавших – отстранения от власти М. Ямеого. В тот же вечер полковник Сангуле Ламизана объявил, что берет контроль над страной в свои руки (Кривушин 2012а; 2012б; Phelan 2016; Harsch 2017: 24–25).

Описанный выше революционный эпизод свидетельствует о том, что среди части вольтийцев/буркинийцев практически с момента получения страной независимости и до появления на авансцене фигуры Т. Санкары существовало представление о честности и справедливости армейского правления. переворот не имел сильного воздействия на дальнейшее развитие страны (сопоставимого с революцией Т. Санкары), однако для нас он представляет значительный интерес, прежде всего, своей формой, а именно сочетанием массовой революционной мобилизации с последующим «эндшпильным переворотом»⁶ – данный тип революционных эпизодов

⁶ Об эндшпильных переворотах см.: Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021.

в дальнейшем неоднократно наблюдался в истории стран Сахеля (включая куволцию 2014 г. в Буркина-Фасо).

Необходимо отметить, что пришедший в власти в результате «Новогодней революции» Абубакар Сангуле Ламизана в течение заметного времени оправдывал хотя бы часть ожиданий ее участников. Он (в отличие от жившего на широкую ногу предшественника) вел достаточно скромный образ жизни, не был замечен в использовании государственных средств для собственного обогащения, укрепил государственную дисциплину и смог вывести страну из острого фискального кризиса – во многом благодаря тому, что призывы к бюджетной дисциплине, исходившие от ведущих достаточно скромный образ жизни военных, не вызывали того отторжения, как когда они звучали от ведущего роскошный образ жизни гражданского президента. Впрочем, достигнутые успехи были во многом сведены на нет катастрофической засухой 1968–1974 гг. (Кривушин 2012а; Harsch 2017: 25f.).

Следующим важным революционным событием в истории Верхней Волты/Буркина-Фасо можно считать Санкаристскую революцию 1983–1987 гг.

Санкаристская революция 1983–1987 гг. в Верхней Вольте/Буркина-Фасо

Тип события: аналог социалистической/коммунистической революции.

Длительность: 4 августа 1983 г. – 15 октября 1987 г.

Повод: арест Тома Санкары.

Причины: см. ниже в тексте.

Политические силы во главе события: Организация революционных военных (*Organisation des militaires revolutionnaires*) при поддержке Вольтийской профсоюзной конфедерации (*Confederation syndicale voltaique*), а также несколько коммунистических групп.

Вмешательство извне: поддержка Ливией Т. Санкары.

Результат: попытка построения социализма кубинского образца.

Количество жертв: не отмечается.

Данное революционное событие можно отнести к классу, который Л. Е. и А. Л. Гринины предполагают обозначать как аналог революции (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020). Они называют два наиболее важных признака именно аналога революции (а не просто

реформ, революционных преобразований и т. п.): это, во-первых, осуществление перехода власти не через массовую мобилизацию революционных движений против существующего правительства, а иными путями (военный переворот, дворцовый переворот, и, наконец, политические выборы и т.п.); а, во-вторых, следующие за переходом власти массовая мобилизация и коренные социально-экономические и социально-политические преобразования (Гринин, Гринин 2020: 134; об аналогах революции см. также: Гринин, Коротаев 2020; 2021; Goldstone *et al.* 2022). В этом отношении Санкаристская революция полностью соответствует критериям аналога революции. В ее ходе свержение старой власти было осуществлено без всякой массовой мобилизации, путем совершенно классического военного переворота, а в дальнейшем наблюдались самая широкая мобилизация масс и в полной мере революционные преобразования.

Капитан Тома Санкара был премьер-министром при президенте Жан-Баптисте Уэдраого. Молодой (на момент начала правления ему было меньше 35 лет) офицер социалистических взглядов воспользовался тем, что рабочие и профсоюзы были недовольны подавлением стачек и демонстраций, и пришел к власти в результате восстания столичного военного гарнизона под предводительством своего соратника, капитана Блеза Компаоре, 4 августа 1983 г. (Кривушин 2012а; Narsch 2013; 2017: 38–98).

Стоит подробнее остановиться на политической фигуре Т. Санкары, так как его вклад в политическое развитие страны является важным для понимания современных настроений в буркинийском обществе. Он вошел в историю Буркина-Фасо как народный президент, его популистские инициативы до сих пор в памяти жителей страны, его идеи являются одними из самых популярных в современном политическом дискурсе, его идеологии в разном виде придерживается множество оперирующих в XXI в. политических партий Буркина-Фасо и даже за пределами страны.

Президент Т. Санкара известен во всем регионе как борец с бедностью, социальным неравенством и коррупцией, за что был прозван «африканским Че Геварой». 4 августа 1983 г. Т. Санкара провозгласил народную революцию. Все свое недолгое правление он поддерживал образ «народного» правителя: установил себе зарплату менее 500 долларов, вместе с рабочими строил железные до-

роги, считал, что государственные служащие должны передвигаться на велосипедах и планировал обеспечить каждого двух государственных служащих одним таким транспортным средством. В своей работе Э. Харш упоминает показательный факт, о котором рассказал брат африканского лидера, показывающий отрицательное отношение Т. Санкары к клановости и фаворитизму (что является исключением из правил для историй африканских лидеров). Несмотря на его наивысший социальный рейтинг в стране, семья Т. Санкары не получила особых привилегий: его отец оставался на пенсии, а мать оставалась продавщицей в уличной лавке. Их сын лично предостерегал родителей от принятия подарков со стороны, потому что люди могут потребовать что-либо взамен. «Я дал ясно понять своему ближайшему окружению, что им не светит никакая выгода только из-за того, что одному из их ближайших родственников случилось стать президентом страны. Сколько бы они не зарабатывали, пускай столько и получают, ведь это оправдано их трудом, а не тем фактом, что они являются частью президентской семьи, ни моя жена, ни мои братья и сестры, ни кто-либо другой из моих родственников или моих детей, не имеют на это право» (Harsch 2014: Chapter 4). При этом, как отмечает сам автор, Т. Санкара все-таки ставил некоторых своих друзей и родственников (например, своего двоюродного брата) на высокие должности в правительстве (*Ibid.*).

Во время полевых исследований 28 октября 2021 г. в Буркина-Фасо один из современников африканского лидера, который вырос с ним в одном городе, рассказал историю из детства, связанную с его непосредственным общением с будущим президентом. Тогда в местной школе не хватало музыкального оборудования для проведения молодежных мероприятий. Юный Тома Уэдраого⁷ собрал деньги на граммофон для его покупки, но собранные со школьников деньги негодились: оборудование было пожертвовано кем-то из администрации. После праздника Т. Уэдраого хотел было раздать деньги всем, кто вносил деньги на покупку граммофона, но никто за ними не пришел. Тогда он оставил все собранные деньги у граммофона и уехал домой. По мнению респондента, который, к слову, считает себя санкаристом, этот случай во многом показательен, насколько честным человеком был президент.

⁷ Фамилия Т. Санкары при рождении (прим. авторов).

Преобразования в стране были действительно революционными. Во время правления Т. Санкары была проведена аграрная реформа и созданы системы бесплатного образования и здравоохранения, проведены социалистические преобразования в экономике, введена система централизованного планирования, принят «Пятилетний народный план развития», ликвидированы привилегии традиционной элиты, снесены трущобные кварталы в городских центрах, развернуто строительство социального жилья, проведена массовая кампания по лесонасаждению («Зеленая атака») и т. д. (Кривушин 2012г; Harsch 2013; 2017: 38–98). В результате его инициативы страна Верхняя Вольта была переименована в Буркина-Фасо, что в переводе с местных языков мооре и дьюла означает «Страна честных людей» (Филиппов 2015).

Кроме того, на этом этапе развития страны были проведены многочисленные институциональные реформы в социалистическом духе. Правивший до августа 1983 г. Верхней Вольтой «Совет спасения народа» (*Conseil de salut du peuple*) был заменен на новый высший орган управления – «Национальный революционный совет» (НРС, *Conseil national de la révolution*). В нем в значительной степени доминировали военные. В 1984 г. НРС насчитывал лишь семь гражданских из шестидесяти одного члена. Нововведением было создание Комитетов защиты революции (КЗР) (см., например: Stroh 2021). Их создание объясняется необходимостью формирования противовеса армии, в рамках этих комитетов производилось вооружение народной милиции, осуществлялся контроль за реализацией реальной народной власти, безопасности и политической подготовки, комитеты также отвечали за санитарную безопасность в районах Буркина-Фасо: от качества производства продуктов питания до контроля над расходованием бюджетных средств соответствующими органами.

Другим социалистическим административным нововведением стали многочисленные Народные революционные трибуналы (НРТ), которые имели судебные и образовательные функции. С одной стороны, они заменяли традиционные суды, где один верховный судья выносит приговор, на коллегии судей из одного магистрата, нескольких полицейских, а также представителей гражданского общества, выполнявших судебные функции, но в открытом для общественности формате. С другой стороны, они, по словам

исследователей, воспитывали у населения чувство ответственности перед согражданами. Эти судебные заседания проходили публично, на них мог прийти любой желающий, иногда их даже транслировали по радио (Harsch 2014; Brett 2021).

Первый судебный процесс в новом формате прошел в январе 1984 г. над бывшим президентом генералом Сангуле Ламизаной, который обвинялся в растрате государственных фондов. Примечательно, что его оправдали, так как он смог убедительно доказать, что деньги пошли не на его личные нужды, а на помощь нуждавшимся (Harsch 2014).

В августе 1985 г. НРС распустил правительство, все министры лишились своих должностей и кабинетов, некоторые были просто уволены, других перевели на руководство сельскохозяйственными проектами в регионах (Harsch 2017: 56). Данную меру президент Т. Санкара оправдывал не только бюрократическими соображениями, но и воспитательными целями: он хотел показать, что министры ничем не отличаются от других наемных работников.

Отдельного внимания заслуживает работа правительства Т. Санкары в деле расширения прав женщин. В его правление было создано объединение женщин Буркина-Фасо, ежегодно в день восьмого марта, в международный женский день, женщины собирались в центральном зале Доме народов в Уагадугу, съезжаясь со всей страны. Сам президент выступал перед ними, говорил о равенстве полов, о том, какую важную роль они играют в гражданском обществе, бранил мужчин (и даже своих коллег), если те, по его мнению, не приравнивали женщин своих семей по статусу к мужской половине семьи. Африканский лидер приветствовал поступление женщин в армию и инициировал создание гвардейского отряда женщин-мотоциклисток (обилие женщин на мотоциклах на улицах Уагадугу не перестает поражать до сих пор).

Специалисты склонны отмечать, что при высоком уровне популярности Т. Санкары среди масс в Буркина-Фасо, революционная политика президента имела и заметные негативные последствия. Многие государственные предприятия работали неэффективно, система планирования давала все больше сбоев, осложнились отношения с профсоюзами, Комитеты защиты революции допускали все больше злоупотреблений и в ряде случаев начинали

терроризировать население и напоминать обычные банды и т. д. (Кривушин 2012*в*; Harsch 2013; 2017: 38–98).

Не вполне удачно развились и внешнеполитические отношения. Среди причин внешнеполитических провалов Т. Санкары можно назвать излишнюю прямоту и отсутствие навыков дипломатии. Причиной недружелюбной политики к соседним странам и особенно к европейским патронам была его убежденность в том, что бедность Буркина-Фасо являлась следствием колонизации (Wilkins 1989: 376). Он прямо обвинял французскую администрацию в неравенстве и незаконном присвоении ресурсов богатств стран и оставался приверженным этим идеям вплоть до самой смерти в 1987 г. (*Ibid.*: 377). Деятельность президента социалистических взглядов в рамках «Движения неприсоединения», отказ от финансово-кредитной и гуманитарной помощи, предлагаемой западными кредиторами, вносили раздор в отношения страны с соседями и самой Францией. В 1985–1986 гг. страна пережила пограничный вооруженный конфликт с Мали за контроль над «Агашерской полосой». М. Ключников отмечает, что внешний фактор, выраженный в ухудшении отношений с Францией, а также с соседними Мали и Кот-д’Ивуаром, в заметной степени способствовал возникновению заговора, закончившегося убийством президента в ходе государственного переворота, устроенного Б. Компаоре, 15 октября 1987 г. (Ключников 2015: 220–222). Тела Т. Санкары и 12 его ближайших помощников, которых расстреляли около парламента, были найдены на улице. Их братская могила стала местом паломничества «благодарных буркинийцев» (Филиппов 2015: 55).

М. Вилкинс отмечает, что смерть Т. Санкары произвела на большинство буркинийцев тяжкое впечатление (Wilkins 1989: 376–377). Во многом это объясняется тем, что впервые, во время пятого по счету военного переворота, правитель был не просто свергнут, но убит, а также тем, что Т. Санкара действительно был «первым настоящим народным президентом» (*Ibid.*: 377).

Убийство народного лидера положило конец Санкаристской революции и началу 27-летнего правления Б. Компаоре.

Б. Компаоре, хоть и был соратником и другом детства погибшего президента, а также его союзником в борьбе против предыдущего режима во время государственного переворота в 1983 г., после прихода к власти стал обвинять Т. Санкару в предательстве народной революции, провозглашенной самим же бывшим прези-

дентом, низких результатах роста национальной экономики, а также неразумном ведении государственной дипломатии. Едва получив верховную власть в стране, Б. Компаоре начал сворачивать социальные и гуманитарные реформы, проведенные Т. Санкарой.

Укрепление власти сопровождалось поиском поддержки среди средних и высших слоев населения в столице страны, а на фоне глобальной Пятой революционной волны XX века (Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020), большинство революций которой заканчивались переходом от авторитарных режимов к многопартийным демократиям, и, в целом, третьей волны демократизации (в заметной степени захватившей и Африку южнее Сахары, в том числе зону Сахель⁸), режим Б. Компаоре пошел на заметную демократизацию политической системы страны (см., например: Stroh 2021). При поддержке бывшей метрополии 2 июня 1991 г. режим Б. Компаоре провел референдум по принятию новой конституции, приведшей к заметной демократизации политической системы Буркина-Фасо (отметим, что революционный режим Т. Санкары при всей привлекательности многих его черт был откровенно авторитарным; это был именно режим революционной диктатуры); были легализованы и начали достаточно активную деятельность многочисленные политические партии (включая санкаристские). С другой стороны, конституция позволяла любому буркинийскому гражданину (а значит, и Б. Компаоре) избираться на должность президента страны два раза, притом, что продолжительность президентского срока была определена в 7 лет. Учитывая крайнюю слабость оппозиции (только получившей возможность легальной политической деятельности) и колоссальный административный ресурс Компаоре, не удивительно, что 1 декабря 1991 г. на президентских выборах он набрал 86 % голосов (Филиппов 2015: 57) – но, отметим, все-таки не 99,98 %, набранных М. Ямеого на президентских выборах в октябре 1965 г.

Следующие президентские выборы в Буркина-Фасо также сопровождались победой Б. Компаоре, хотя и не были лишены громких скандалов и обвинений в коррупции и подтасовке результатов. На президентских выборах 15 ноября 1998 г. он вновь одержал победу со значительным перевесом, получив 87,5 % голосов, и начал

⁸ См., например: Коротаев, Лиокумович, Хохлова 2021; Коротаев, Лиокумович, Хохлова, Зинькина 2021; Ibrahim 1994; Clark 1995; Wing 2008.

свой второй президентский срок, который должен был стать для него последним. Однако администрация Б. Компаоре пошла здесь на характерный маневр. В 2000 г. она настояла на принятии вроде бы довольно демократической поправки, устанавливавшей президентский срок продолжительностью не в семь, а в пять лет. Однако через какое-то время сторонники Компаоре стали (несмотря на громкие протесты оппозиционных партий и сил) настаивать на том, что принятие такой поправки означает, по сути, принятие новой конституции, а значит, Блез имеет теперь право избираться на пост президента страны еще два раза, что в октябре 2005 г. было подтверждено решением Верховного суда (см., например: Harsch 2017: 115–139).

В итоге в 2005 г. Блез Компаоре вновь выставил свою кандидатуру на президентских выборах и 13 ноября он был вновь избран лидером страны с 80,35 % голосов, а 25 ноября 2010 г. Национальная независимая избирательная комиссия Буркина-Фасо опубликовала итоги голосования с новой победой Б. Компаоре с 80,15 % голосов избирателей (Филиппов 2015: 57–58).

Отмечается, что приход Б. Компаоре к власти фактически означал восстановление политического и экономического контроля Запада над Буркина-Фасо (Филиппов 2015). Многочисленные займы у Запада способствовали укреплению позиций политической элиты страны и ее обогащению. Внутренняя политика президента была направлена на укрепление своей власти. Спустя несколько месяцев после президентских выборов в марте 1999 г. он упразднил пост премьер-министра и возглавил правительство, в рядах высших государственных управленцев стали мелькать родственники президента, также было отмечено их резкое обогащение. Усиление власти Б. Компаоре сопровождалось преследованиями политических оппонентов; самой известной жертвой стал журналист-расследователь, редактор еженедельной газеты *L'Indépendant* Норбер Зонго, занимавшийся расследованием криминальной деятельности брата президента Франсуа Компаоре, и убитый при не до конца проясненных обстоятельствах в декабре 1998 г., что вызвало массовые протесты оппозиции⁹, не принявшие, однако, революционного размаха (см., например: Harsch 2017: 115–139, 178).

⁹ Как отмечает В. Филиппов со ссылкой на местного оппозиционного журналиста, А. Барри, «два имени в Буркина-Фасо мобилизуют сегодня людей: Т. Санкара и

Первый революционный эпизод после прихода Б. Компаоре к власти произошел только в 2011 г., и произошло это под непосредственным влиянием Арабской весны.

Революционный эпизод 2011 г. в Буркина-Фасо

Тип события: неудавшаяся революция.

Длительность: февраль–август 2011 г.

Триггер: Арабская весна.

Причины: неэффективное государственное руководство, рост стоимости жизни, коррупция.

Политические силы во главе события: Национальная ассоциация буркинийских студентов (*Association nationale des étudiants burkinabè* / ANEB), Национальная коалиция против дороговизны (*Coalition nationale contre la vie chère* / CCVC), Союз ради прогресса и изменений (*Union pour le progrès et le changement*) во главе с Зефирэном Диабре, Союз для возрождения/Санкаристская партия (*Union pour la Renaissance* / *Parti Sankariste*, UNIR / PS) во главе с Беневенде Санкарой.

Вмешательство извне: поддержка Францией Компаоре.

Результат: подавление революционного выступления.

Количество жертв: 30 человек.

Революционная волна 2011 г. в странах арабского мира значительно повлияла на Буркина-Фасо. Ранее уже было показано, что события в арабском мире 2011 г. выступили в качестве триггера глобальной волны социально-политической дестабилизации, значительно превысившей масштабы самой Арабской весны и затронувшей абсолютно все мир-системные зоны (Коротаяев, Исаев, Шишкина 2016; Коротаяев, Шишкина, Исаев 2016; Коротаяев, Мещерина и др. 2016; 2017; 2018; Коротаяев, Гринин и др. 2017: 237–262; 2021: 88–167; Коротаяев, Романов, Медведев 2019; Коротаяев, Соковина, Шадрова 2020; Хохлов и др. 2021; Akaev *et al.* 2017; Ortman *et al.* 2017; Korotayev, Meshcherina, Shishkina 2018). Отмечается, что рост общего числа антиправительственных демонстраций и массовых беспорядков в Африке южнее Сахары в 2011–2015 гг. был не особенно сильным по сравнению с большинством других мир-системных макрозон, но по меркам самой этой макрозоны

Н. Зонго». Оба стали мучениками в борьбе с режимом Б. Компаоре (Филиппов 2015: 57–60).

данный рост был очень заметным (в несколько раз). Также отмечаются рекордные уровни числа крупных терактов / «партизанских действий» в Африке южнее Сахары в 2014 г. (Коротаев и др. 2018; Коротаев, Мещерина, Каткова 2019).

Не избежала дестабилизации и Буркина-Фасо, где протесты за отставку президента и правительства начались в феврале 2011 г. и продолжались до конца лета, а затем вспыхнули с новой силой в 2013–2015 гг. (напомним, что Арабская весна началась с самосожжения Мохаммеда Буазизи, совершенного 14 декабря 2010 г. в провинциальном тунисском городке Сиди-Бузид) (Engels 2015).

Широкое протестное движение в Буркина-Фасо началось в феврале 2011 г. после смерти 24-летнего студента Жюстэна Зонго, который скончался в больнице города Кудугу после того, как подвергся полицейскому произволу (параллели с Халедом Саидом в Египте здесь достаточно очевидны). Характерны были и лозунги протестующих, в которых явно чувствуется влияние Арабской весны – «Тунис в Кудугу», «Jasmine revolution»¹⁰, «В Буркине будет свой Египет», «Начнем буркинийскую весну!», «Блэз – убирайся!»¹¹ (*Blaise dégage*) (см., например: Chouli 2011).

Постоять за честь павшего студента первыми на улицы Уагадугу и других крупных городов (Бобо-Диуласо и Банфора, в том числе и Кудугу) вышли 22 февраля студенты вузов, они же стали и первыми жертвами насильственных актов со стороны правительственных сил (LeFaso.net 2011). В акциях протестов участвовали студенческие советы, координационные органы учащихся средних школ, Национальная ассоциация буркинийских студентов (*Association nationale des étudiants burkinabè*, ANEB) (Harsh 2017). Однако, как отметила Л. Чоули, национальные структуры (Национальная ассоциация буркинийских студентов и профсоюзы) «присоединились к движению относительно поздно», после нескольких недель агитации местных студентов (Chouli 2012). Молодежь, как и во многих арабских странах, требовала положенных социальных выплат, искоренения коррупции и бедности в стране, а также обеспечения рабочих мест. Протестующих поддержала коалиция 34 буркинийских оппозиционных партий, призвав президента

¹⁰ Аллюзия на Жасминовую революцию в Тунисе в 2011 г.

¹¹ Здесь очевидна параллель с наиболее популярным лозунгом «арабской весны» – «Ирхаль!» (уйди!), обращенного к правителю.

Б. Компаоре уйти в отставку. 15 апреля в Уагадугу произошли беспорядки, устроенные военными Буркина-Фасо из-за невыплат денежных средств, которые вынудили президента покинуть город в кратчайшие сроки (RFI 2011), 18 апреля военный мятеж расширился до города Ка, в котором к солдатам присоединились жандармы и сожгли дома командира расквартированного там полка и командующего военным округом (Le Monde 2011). 27 апреля манифестантов стали поддерживать представители интеллигенции, торговли и даже крестьяне (The New York Times 2011). 30 апреля несколько тысяч восставших приняли участие в многочасовом оппозиционном митинге в столице. Протесты шли около года, но достигли своего пика в апреле – июне. Большинство акций рабочих были организованы или поддержаны их профсоюзами. В начале апреля профсоюзы из Национальной коалиции против дороговизны (Coalition nationale contre la vie chère, CCVC) провели масштабные демонстрации, требуя снижения цен и налогов, а также справедливости для погибшего студента Жюстэна Зонго. Финансовые служащие, сборщики налогов, медицинский персонал, учителя и другие государственные служащие также участвовали в митингах, сидячих и обычных забастовках (Harsh 2017). Когда на улицы выходили профсоюзы и рабочие, их протесты, как правило, были дисциплинированными, с небольшим количеством насилия, что нельзя сказать о военных.

Самыми неорганизованными действиями оказались бунты солдат и полиции, которые начались в марте и завершились подавлением мятежа в Бобо-Диуласо в начале июня. Мятежные войска обменивались информацией по мобильной связи, но, если не считать того, что они следовали примеру друг друга, между ними не проявлялось никакой реальной координации. Результатом стали не только расплывчатые выражения гнева по отношению к своим офицерам, но и частые грабежи и неизбирательная стрельба, приведшие к большому количеству жертв среди гражданского населения (Harsh 2017). Отмечается, что с апреля мятежи среди военных подразделений наблюдались по всей стране (The Guardian 2011).

В июне 2011 г. правительство Буркина-Фасо дало силовой и политический ответ: помимо эскалации силового подавления протестов полицией (BBC News 2011), Б. Компаоре распорядился о новом назначении главы правительства, к столу переговоров в но-

вом Конституционном комитете были приглашены и лидеры оппозиции, среди них – Б. Санкара, однако он вместе со своими соратниками отказался от участия в нем, аргументируя это тем, что данная инициатива приведет к сохранению власти Б. Компаоре. В конечном счете режиму удалось устоять перед протестным натиском 2011 г.

Несмотря на отмеченные ранее выступления профсоюзов, Национальной коалиции против дороговизны и Национальной ассоциации буркинийских студентов, можно отметить, что организованные акции протеста не имели большой популярности, что можно посчитать одним из факторов сохранения Б. Компаоре власти в 2011 г. Как отмечает С. Фелан в своей работе, политическая история Буркина-Фасо представляет собой постоянно меняющуюся игру между политической элитой, имеющей серьезную склонность к авторитарному правлению, вооруженными силами, которые видят себя оплотом политической стабильности, и мощным профсоюзным движением, способным свергнуть правительство, но неспособным к политическому управлению (Phelan 2016: 110). Он пишет, что волнения 2011 г. проходили без заметного участия профсоюзных движений. «Впервые в истории страны профсоюзы не были ответственны за гражданские беспорядки» (*Ibid.*: 117). При этом, профсоюзы присоединились в полной мере к протестам 2014 г., которые привели к успешной революции в стране.

Отметим также, что, в отличие от арабских лидеров, у Б. Компаоре в 2011 г. сохранялась поддержка со стороны Франции, главного внешнеполитического союзника Буркина-Фасо. Б. Компаоре относят к типичному представителю так называемого феномена «франсафрик» (Филиппов 2014), то есть политической фигуры, обладающей сетью неформальных политических связей с политическими, финансовыми, дипломатическими и военными деятелями Франции. Весной 2011 г. официальный Париж поддерживал буркинийского лидера, что позволило ему в конечном счете подавить протесты силовым путем и сохранить свою легитимность в глазах мирового сообщества.

Революция 2014 г. в Буркина-Фасо

Тип события: куволуция.

Длительность активной фазы: октябрь – ноябрь 2014 г.

Повод: попытка правившего президента Б. Компаоре изменить конституцию для обеспечения возможности выдвижения на новый срок, создание Сената.

Причины: тенденция к авторитарному откату, коррупция, внутриэлитный раскол.

Политические силы во главе события: Народное движение за прогресс (*Mouvement du Peuple pour le Progrès*) во главе с бывшим председателем Национальной Ассамблеи и бывшим членом руководства правящей партии Конгресс за демократию и прогресс Рокком Марком Каборе; Союз ради прогресса и изменений (*Union pour le progrès et le changement*) во главе с Зефирэном Диабре; Союз для возрождения/Санкаристская партия (*Union pour la Renaissance / Parti Sankariste*, UNIR / PS) во главе с Беневенде Санкарой; движение «Гражданская метла» (*La Balai Citoyen*); Профсоюзное объединенное действие (*Unité d'Action Syndicale – UAS*), с 30.10.2014 – бывший министр обороны генерал Куаме Лоугуе и заместитель руководителя Президентской гвардии Исаак Зида;

Вмешательство извне: поддержка Б. Компаоре Францией.

Результат: свержение правившего 27 лет Б. Компаоре.

Количество жертв: около 50 человек.

Протесты вспыхнули с новой силой из-за попытки принять конституционную поправку, которая позволяла бы Б. Компаоре баллотироваться на новый президентский срок в 2015 г. В июле 2009 г. режимные силы стали отмечать, что со дня принятия конституции прошло 18 лет и пришла пора вносить изменения в основную закон страны. В декабре 2013 г. Б. Компаоре заявил о намерении провести референдум о внесении изменений в 37-ю статью конституции, ограничивающую количество возможных президентских сроков. Через месяц ряд пропрезидентских политических партий, организаций и движений выступили в поддержку президентской инициативы и объединились в «Республиканский фронт». В то же время, в самой партии президента, Конгрессе за демократию и прогресс, КДП (*Congrès pour la Démocratie et le Progrès/CPD*), намерение президента изменить конституцию и баллотироваться на новый срок в 2015 г. вызвало раскол, так как участники видели примеры Сенегала в 2012 г., Нигера в 2010 г. и других африканских стран, где эта инициатива обернулась свержениями режимов. Особо же недоволен был второй человек в правящей пар-

тии, Рок Марк Кристиан Каборе, который рассматривался в качестве преемника Компаоре. Новые маневры президента заставляли Каборе и его приближенных опасаться самым серьезным образом, что они своей очереди на высшую власть так никогда и не дождутся. Из партии тогда вышли многие авторитетные политические фигуры (в том числе и сам Р. М. Каборе). В начале апреля 2014 г. отколовшаяся группировка правящей элиты объявила о создании своей собственной партии, Народного движения за прогресс (*Mouvement du Peuple pour le Progrès*), вставшего в выраженную оппозицию к Б. Компаоре (Harsch 2017: 201). Совместно с уже давно сформировавшимися оппозиционными группами – Союзом ради прогресса и изменений (*Union pour le progrès et le changement*) во главе с Зефирэном Диабре, Союзом для возрождения / Санкаристской партией (*Union pour la Renaissance / Parti Sankariste*, UNIR / PS) во главе с Беневенде Санкарой, движением «Гражданская метла» (*La Balai Citoyen*), Профсоюзным объединенным действием (*Unité d'Action Syndicale – UAS*) и т. д. – им удалось уже в апреле–мае 2014 г. организовать несколько акций протеста, собиравших десятки тысяч человек.

21 июня 2014 г. правящая партия КДП призвала президента Б. Компаоре организовать референдум для изменения статьи 37 конституции, которая ограничивала возможность переизбрания президента двумя сроками. 6 августа 2014 г., на следующий день после празднования Дня независимости, Б. Компаоре объявил о проведении референдума об изменении конституции. В этот раз, по сравнению с событиями 2011 г., демонстрантов в крупнейших городах поддержали и жители сельской местности (Andrews, Honig 2019: 633).

21 октября 2014 г. на внеочередном собрании Совета министров, прошедшем под председательством Б. Компаоре, был одобрен проект новой редакции 37-й статьи, где количество возможных президентских мандатов увеличивалось до трех. Это привело к резкому усилению протестной волны. Уже 21 октября сотни молодых людей начали блокировать основные дороги в различных районах Уагадугу. Спонтанные демонстрации продолжались до 23 октября, когда протестующие заблокировали национальную автомагистраль (Harsch 2017: 203). Оппозиционные партии объявили национальным днем протеста 28 октября, чтобы начать «продолжающуюся

кампанию гражданского неповиновения». *Balai citoyen* не стали ждать и от своего имени объявили неделю гражданского неповиновения с 24 по 30 октября, то есть до дня, когда депутаты Национального собрания должны были проголосовать. Конфликт обострился 28 октября, когда на улицы Уагадугу и других городов вышли более миллиона протестующих (Le Monde 2014). Прозвучали призывы отправить Компаоре в отставку. Выступления достигли пика 30 октября: манифестанты прорвали оцепление, ворвались в здание парламента и телецентр. Дома видных сторонников Компаоре были разгромлены (Ngenge 2014). Протестующие подожгли парламент и добились отмены голосования.

31 октября сотни тысяч людей вновь вышли на улицы крупнейших городов страны в знак протеста против планов продления правления Компаоре (Smith 2014). В результате столкновений протестующих с полицией погибли по меньшей мере 30 человек. Огромные толпы протестующих собрались на центральной площади Уагадугу, перед штабом армии. Демонстранты готовились к новому маршу к президентскому дворцу, охраняемому солдатами Президентской гвардии. Столкнувшись с упорством Б. Компаоре, протестующие обратились к армии с просьбой «взять на себя ответственность и власть».

В 2014 г. свержения Б. Компаоре удалось добиться во многом из-за того, что против него выступила не только армия, но и заметная часть Президентской гвардии, включая и ее высших руководителей. Крайне примечательно, что в результате буркинийской революции 2014 г. власть перешла не к лидерам протестующих. Вечером 1 ноября на совещании военного руководства возглавлять государство на переходный период было поручено заместителю руководителя Президентской гвардии Исааку Зиде (Hagberg *et al.* 2015). 17 ноября 2014 г. под давлением международного сообщества, требовавшего обеспечить гражданское руководство на время переходного периода, временным президентом был назначен Мишель Кафандо, а подполковник Я. И. Зиде – премьер-министром (Lopes, Garcia 2015). Через премьер-министра Исаака Зиду и президента Мишеля Кафандо, кандидатура которого была предложена армией, военные рассматривались как настоящие обладатели политической власти. Примечательно, что К. Келер и Х. Албрехт рассматривают события 1 ноября 2014 г. в Уагадугу в качестве энд-

шпильного военного переворота, классифицируя их, таким образом, как «куволюцию» (Koehler, Albrecht 2021: 155).

Планировалось, что переходный период, который должен был завершиться выборами нового постоянного президента, затянется на год, но переходный период был нарушен еще до окончания этого срока попыткой военного переворота.

Попытка военного переворота 2015 г. в Буркина-Фасо

Тип события: попытка совершения контрреволюции при помощи военного переворота.

Длительность: 16–23 сентября 2015 г.

Повод: слух о планируемом роспуске республиканской гвардии.

Причины: стремление группировки Компаоре вернуть себе власть.

Политические силы во главе события: Президентская гвардия (*Régiment de la sécurité présidentielle*, RSP).

Вмешательство извне: осуждение Африканского союза и Совета безопасности ООН.

Результат: провал государственного переворота, расформирование Президентской гвардии с последующим ростом террористической и вооруженной исламистской революционной активности.

Количество жертв: около 10 человек.

14 сентября 2015 г. комиссия по национальному примирению и реформам предложила распустить Президентскую гвардию, которая поддерживала режим Б. Компаоре, когда тот был у власти (Sampana 2015). 16 сентября солдаты Президентской гвардии ворвались в здание правительства и задержали исполнявшего обязанности президента М. Кафандо и премьер-министра И. Зиду. Президентская гвардия достаточно быстро установила контроль над Уагадугу и объявила о том, что власть в стране берет хунта во главе с генералом Жильбером Дьендере с целью проведения справедливых выборов. Главным требованием организаторов переворота была отмена избирательного закона, принятого переходным правительством и запрещавшего участвовать в выборах всем, кто поддерживал попытки Компаоре внести изменения в конституцию, фактически увековечивавшие его власть. Этот закон лишал Компаоре и его сторонников возможности вернуть себе власть через выборы, совершив тем самым своего рода контрреволюцию (Hagberg 2015; Bertrand 2021: 13).

Реакция на путч последовала незамедлительно. Группа действий профсоюзов (*L'Unité d'Action Syndicale / UAS*) выступила с призывом к всеобщей забастовке по всей стране. Призыв встретил быструю и решительную поддержку со стороны рабочих во всех секторах экономики, и, в сочетании с мобилизацией молодежи в Уагадугу и провинциях, они вынудили гвардию отступить (Hagberg 2015; Bertrand 2021: 13). Против путчистов-гвардейцев выступила и регулярная армия (Bertrand 2021: 14), и уже 22 сентября верные М. Кафандо воинские части при поддержке танков вошли в столицу, а восставшим было предложено сложить оружие. Президентская гвардия не оказала сопротивления, поэтому уже 23 сентября восставшие и регулярная армия подписали соглашение с целью избежать кровопролития. Временный президент М. Кафандо официально вернулся к исполнению своих обязанностей, а Президентская гвардия была полностью распущена (ТАСС 2015). На выборах же в ноябре 2015 г. победил уже упоминавшийся выше Р. М. Каборе.

После падения режима Б. Компаоре в Буркина-Фасо наблюдался взрывообразный рост террористической активности (см. Рис.):

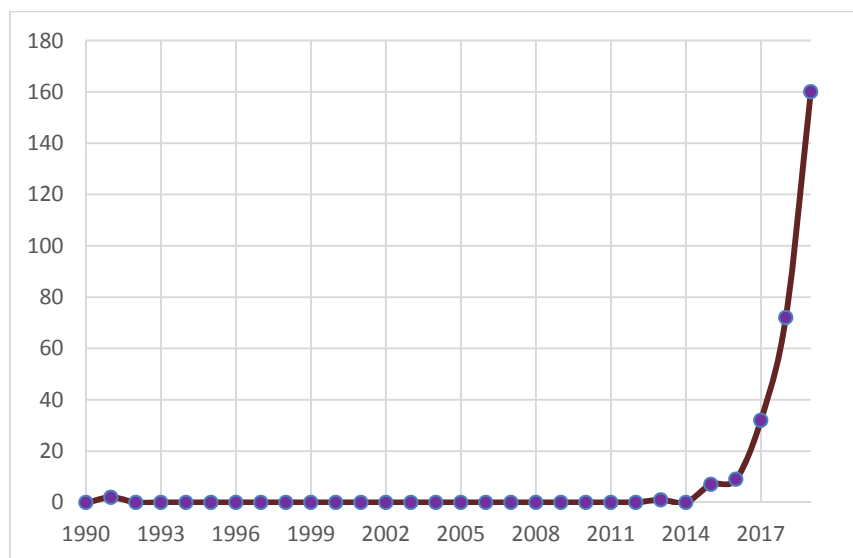

Рис. Динамика террористической активности в Буркина-Фасо, 1990–2019 гг.

Источник данных: Global Terrorism Database (START 2021).

Рисунок заставляет предположить, что вплоть до падения режима Компаоре Буркина-Фасо обладала своего рода иммунитетом от террористической активности. То обстоятельство, что волна насильственной дестабилизации, охватившая Мали уже в 2011 г. и взрывообразно нараставшая в 2012 и 2013 гг. вплоть до падения режима Б. Компаоре, не распространилась на Буркина-Фасо (несмотря на очень протяженную и достаточно прозрачную границу между этими странами), было в высокой степени связано с системой договоренностей, достигнутых бывшим президентом Буркина-Фасо с террористическими организациями Сахеля. Б. Компаоре в целом имел большой опыт контактов с главами самых разных радикальных группировок, при этом важную роль играла система договоренностей с руководителями туарегских националистических организаций Мали и Нигера, притом, что данные организации не брезговали пользоваться террористическими методами. С ростом исламистского экстремизма в Нигере и Мали Б. Компаоре удалось добиться договоренностей и с исламистскими радикальными организациями, тем более что значительная часть туарегов перешла в эти организации, сохраняя контакты с режимом Б. Компаоре. Президент пользовался своими связями с террористическими организациями Сахеля в качестве, прежде всего, рычага своего влияния в регионе. Однако второй важной задачей было предотвращение совершения данными организациями террористических актов на территории Буркина-Фасо. При этом Б. Компаоре предоставлял террористическим организациям вполне реальные логистические возможности внутри страны, но, с другой стороны, в плане предотвращения исламистской террористической активности на территории Буркина-Фасо деятельность Б. Компаоре оказалась вполне эффективной (см., например: Afriye 2019; Thurston 2019; Ben-Zur, Toole 2020).

Очень важную роль в сдерживании разворачивания на территории Буркина-Фасо деятельности джихадистов играла и Президентская гвардия. При Компаоре существовал Координационный центр внутренней разведки, созданный в 2011 г. (Bamouni 2017). Центр отвечал за сбор и уточнение информации, передаваемой разведывательными подразделениями в армии, жандармерии и полиции. Руководителем разведывательного аппарата Буркина-Фасо был генерал Ж. Дьендере. А поскольку Дьендере также отвечал за Прези-

дентскую гвардию, она стала главным военным подразделением, связанным с разведывательной сетью Буркина-Фасо (Ben-Zur, Toole 2020), и даже имела собственное подразделение по борьбе с терроризмом (Реппу 2018). Президентская гвардия в Буркина-Фасо была наиболее обученной контртеррористической силой, а долгое время руководившей ей Ж. Дьендере играл важную роль в поддержке прямых контактов с организациями, связанными с ал-Каидой (Bonkoungou 2012; Ben-Zur, Toole 2020).

Падение режима Б. Компаоре и роспуск Президентской гвардии развязали руки лидерам исламистских организаций. Вполне предсказуемым образом деятельность этих организаций с 2015 г. распространилась и на территорию Буркина-Фасо, тем более что вдоль границ Буркина-Фасо уже давно существовали базы данных организаций, и перенести свою деятельность через достаточно прозрачную малийскую границу никакого труда этим организациям не составило.

***Вооруженное исламистское революционное выступление
ал-Каиды в Буркина-Фасо (с 2016 г.)***

Тип события: вооруженное исламистское революционное выступление.

Длительность: 2016 г. – н.в.

Триггер: ослабление системы сдерживания проникновения джихадизма в Буркина-Фасо после свержения режима Б. Компаоре и роспуска Президентской гвардии.

Причины: усиление влияния исламистских группировок на фоне структурно-демографического контекста, благоприятствующего началу и развертыванию исламистских революционных выступлений (крайне высокая рождаемость, чрезвычайно высокие значения темпов демографического роста и доли молодежи в общей численности населения, крайне низкие значения подушевого ВВП, урбанизации и охвата населения формальным образованием) (подробнее см.: Коротаев, Устюжанин 2021); маргинализация фулани.

Политические силы во главе события: Ансар-уль-Ислам, ал-Каида.

Вмешательство извне: Франция.

Результат: распространение террористической активности в Сахеле, укрепление ал-Каиды, противостояние с Исламским Государством в Большой Сахаре.

Количество жертв: ~2000 человек.

Как было отмечено выше, после падения режима Б. Компаоре и упразднения Президентской гвардии, которая, по сути, являлась главным антитеррористическим органом в Буркина-Фасо, вооруженные исламистские группировки начали проникать на территорию страны. В этой связи можно наблюдать резкий рост террористической активности. На первом этапе основную роль играли группировки, аффилированные с ал-Каидой, прежде всего Ансар-уль-Ислам, которые сконцентрированы в центральной части Мали, на севере и востоке Буркина-Фасо и на западе Нигера (Hassan 2020). Большинство вооруженных нападений в Буркина-Фасо совершается именно организациями, связанными с ал-Каидой. Такие организации, как правило, ориентированы на создание «Африканского халифата» и антизападные настроения (USA Today 2012; Bassou & Guennoun 2017). До 2017 г. большинство атак было совершено ал-Каидой в исламском Магрибе (АКИМ) – североафриканским отделением ал-Каиды, которое базируется в Мали, при этом в 2017 г. большинство из аффилированных с ал-Каидой/АКИМ вооруженных радикальных исламистских группировок объединилось в альянс «Сообщество поддержки ислама и мусульман» – *Джама`ат Нусрат ал-Ислам ва-л-Муслимин* / ДНИМ (Zimmerer 2019).

Следует обратить особое внимание на формально входящую в ДНИМ группировку Ансар-уль-Ислам, руководство которой осуществляется из Буркина-Фасо. Эта группа является примером джихадистской организации, демонстрирующей свою способность использовать недовольство фулани по всему центральному Сахелю. Это ведет к циклическому процессу репрессий и радикализации (Raineri 2018).

Ансар-уль-Ислам считается внутренним движением Буркина-Фасо, подпитываемым местным недовольством, но с самого начала у него были транснациональные связи. Ибрагим Малам Дико, основатель группировки, наладил связи с Фронтом освобождения Масина (ФЛМ или Катиба Масина), одной из многих связанных с ал-Каидой группировок в Сахеле, которая в 2017 г. формально во-

шла в состав ДНИМ и АКИМ. Угроза со стороны Ансар-уль-Ислам была осознана в декабре 2016 г. после нападения на военную базу в Насумбу. В течение следующих четырех месяцев она осуществила около 80 нападений, включая похищения, нападения и убийства местных старейшин, мэров и других видных гражданских лиц по всему северному региону Буркина-Фасо. С февраля 2018 г. Ансар-уль-Ислам начала расширяться на восток и заключать союзы с местными криминальными группировками. Группировка даже стала заниматься мелкомасштабной добычей золота (Strategic comments 2019). Они также устанавливают фальшивые контрольно-пропускные пункты для вымогательства платы за проезд. В некоторых областях Ансар-уль-Ислам осуществляет значительный территориальный контроль и даже располагает возможностью активно пропагандировать свои взгляды населению в открытой форме, собирая сельских жителей в центрах поселений и открыто проповедуя или навязывая свои правила. Поэтому присутствие вооруженных формирований привело к появлению опасных для мирного населения зон на многих периферийных территориях, в первую очередь на востоке Буркина-Фасо, из-за слабости служб безопасности центра (The Guardian 2019). По некоторым оценкам, правительство Буркина-Фасо твердо контролирует периметры территорий, протянувшихся на 100 км вокруг столицы Уагадугу и на 60 км вокруг Бобо-Диуласо, расположенного в западной части страны, что составляет чуть более 15 % от общей площади Буркина-Фасо (Baglow *et al.* 2021).

Конечная цель Ансар-уль-Ислам – восстановить древнюю империю фулани Джилгоджи за счет контроля северной части Буркина-Фасо и обеспечения соблюдения законов шариата. Организация находит поддержку у местных жителей за счет популистских лозунгов, она выступает против экономической и политической маргинализации этнических меньшинств севера, с которой столкнулись этнические общины фулани / пеул и ремаибе в северной части Буркина-Фасо. Группировка извлекает выгоду из широко распространенного недоверия к правительственным властям, которые считаются коррумпированными. Народ более склонен проявлять доверие к Ансар-уль-Ислам, так как ее основатель М. Дико был этническим фулани, называл себя защитником бедных и обращался к молодым последователям, бросая вызов статус-кво, отстаивая со-

циальное равенство и продвигая антизападные настроения (Strategic comments 2019).

Из вышеуказанных фактов можно сделать вывод, что нарастающая активность со стороны Ансар-ул-Ислам способствует потере контроля правительства над территориями Буркина-Фасо и укреплению на них радикальных исламистов, аффилированных с ал-Каидой.

***Вооруженное исламистское революционное выступление
Исламского Государства в Большой Сахаре (ИГБС)
в Буркина-Фасо (с 2018 г.)***

Тип события: вооруженное исламистское революционное выступление.

Длительность: 2019 г. – н.в.

Повод: объединение ал-Каиды в исламском Магрибе (АКИМ), Ансар ад-Дин, аль-Мурабитун и Катибат Макина, как следствие – создание Джамеат Нусрат ал-Ислам ва-л-Муслимин (ДНИМ).

Причины: падение ИГИЛ на Ближнем Востоке, усиление попыток распространения деятельности ИГ в Сахеле на фоне структурно-демографического контекста, благоприятствующего началу и разворачиванию революционных исламистских (джихадистских) выступлений (крайне высокая рождаемость, чрезвычайно высокие значения темпов демографического роста и доли молодежи в общей численности населения, крайне низкие значения подушевого ВВП, урбанизации и охвата населения формальным образованием) (подробнее см.: Коротаев, Устюжанин 2021).

Политические силы во главе события: ИГБС.

Вмешательство извне: Франция.

Результат: новый виток распространения джихадистской активности в Сахеле.

Количество жертв: ~2000 человек.

Хотя ИГ потерпело серьезные поражения на Ближнем Востоке, оно не исчезло. Более того, оно остается чрезвычайно активным в киберпространстве, и его сторонники проникают в новые места, например, в Западной Африке. Положение дел в Буркина-Фасо вызывает глубокую тревогу, учитывая, что продолжающийся кризис в области безопасности в Сахеле явно распространился на северные части страны, а также на Уагадугу (Wagner, Cafiero 2019).

Западная Африка особенно уязвима для экстремизма и предоставляет благодатную почву для расширения и процветания таких организаций, как ИГ. Сочетание слабых институтов управления, ограниченного государственного потенциала, коррупции, этнической напряженности на фоне структурно-демографического контекста, благоприятствующего началу и разворачиванию революционных исламистских (джихадистских) выступлений (крайне высокая рождаемость, чрезвычайно высокие значения темпов демографического роста и доли молодежи в общей численности населения, крайне низкие значения подушевого ВВП, урбанизации и охвата населения формальным образованием – подробнее см.: Коротаев, Устюжанин 2021) делает регион все более уязвимым для разворачивания джихадистской активности. Это усугубляется слабым пограничным контролем и увеличением числа криминальных сетей. В регионе с огромными неиспользованными ресурсами, ограниченным присутствием государства и растущим беспорядочным населением, подверженным вербовке, вера граждан в свои правительства подрывается, побуждая их искать альтернативные – и часто радикальные – идеологии (Foreign Policy 2020). Возникнув в 2015 г. в Мали, Исламское Государство в Большой Сахаре (ИГБС) в 2016 г. было официально признано центральным руководством ИГ (Warner 2017) и развернуло достаточно широкую экспансию, начало в 2017 г. деятельность на территории Нигера (см., например: Raineri 2020), а в 2018 г. развернув боевые действия в Буркина-Фасо, вовлекая в свои ряды недовольных местных жителей (особенно из маргинализированных общин полукочевых фульбе) и установив в дальнейшем свой контроль над значительной частью обширной области Липтако-Гурма на стыке границ Буркина-Фасо, Мали и Нигера (Le Roux 2019; Lyammouri 2020; Nsaibia, Weiss 2020; Nsaibia 2021)¹².

После появления Исламского Государства в Большой Сахаре (ИГБС) в 2015 г. две конкурирующие джихадистские франшизы (ИГ и ал-Каида) в течение нескольких лет существовали в рамках

¹² Отметим, что в 2019 г. ИГБС формально вошло в состав Исламского Государства – Провинция Западная Африка (Islamic State – West African Province/ISWAP) (см., например: Zenn 2020: 6). В октябре 2021 г. Франции удалось ликвидировать лидера ИГБС Аднана Абу-Валида Ас-Сахрауи, однако неизвестно, приведет ли это к ослаблению организации и стабилизации обстановки.

непростого союза в регионе. Эти отношения часто описывались как «сахельское исключение», обращалось внимание на отсутствие конфликта между ними на фоне открытой вражды между ал-Каидой и филиалами ИГ в других регионах (см. об этом: Baldaro, Diall 2020; Nasr 2020; Raafat 2021).

Разногласия между ДНИМ и ИГБС появились по следующим причинам: идеологические расхождения; давление на ИГБС со стороны центрального руководства ИГ, чтобы противостоять ДНИМ после формальной реструктуризации ИГБС под брендом Исламского Государства – Провинция Западная Африка (*Islamic State – West African Province/ ISWAP*); напряженные отношения, возникающие из-за растущих амбиций ИГБС в регионе, включая его конкуренцию за бойцов и ресурсы (Nsaibia, Weiss 2020).

Война между ДНИМ и ИГБС началась в июле 2019 г. после перестрелки в приграничной буркинийской деревне Ариэль. О другом столкновении было сообщено в сентябре 2019 г. в Мали в районе деревни Хауса-Фулан между городами Гао и Ансонго. Столкновения усилились в 2020 г. Так, в марте 2020 г. сообщалось о столкновениях между террористическими группировками возле мавританского города Фассала, расположенного на границе с Мали. За исключением населенных пунктов Хауса-Фулан и Ин-Абельбель, все эти места находятся в зоне действия входящей в ДНИМ группировки Катиба Макина, что свидетельствует о том, что этот конфликт в основном начался в зоне влияния ДНИМ, поскольку он пытался оттеснить ИГБС от внутренней дельты Нигера, прежде чем распространиться на другие районы (Lyammouri 2020; Nsaibia, Weiss 2020; Nsaibia, Weiss 2020; Nsaibia 2021).

Начиная с июля 2019 по июль 2020 гг. в приграничном регионе Мали и Буркина-Фасо группы столкнулись не менее 46 раз. С тех пор боевые действия переместились из внутренней дельты Нигера в Мали в регион Липтако-Гурма и в районы восточных провинций Буркина-Фасо вдоль границ с Нигером и Бенином (Nsaibia, Weiss 2020).

Суммируя, можно сказать, что ИГБС неоднократно подтверждало свое намерение расширяться в регионе, причем в пропагандистских кампаниях широко использовались прямые обращения, призывающие местное население региона присоединиться к халифату и делу джихада. Однако обе группы, и ИГБС, и ДНИМ, пред-

лагают себя в качестве сильной альтернативы государству, предоставляя местным жителям товары первой необходимости. Некоторые мирные жители даже сообщают, что чувствуют себя в большей безопасности, живя под покровительством джихадистов, чем под защитой Уагадугу (Raafat 2021).

* * *

Современное социально-политическое положение в Буркина-Фасо определяется усилением внутривнутриполитической напряженности в контексте нерешенных проблем борьбы с вооруженными радикальными исламистскими группировками и гуманитарного кризиса. Как и в странах Арабской весны, свержение обвинявшегося в стремлении к авторитарной власти правителя в 2014 г. в Буркина-Фасо не привело к появлению в стране консолидированного демократического режима, при этом есть основания полагать, что в начале третьего десятилетия XXI века население страны больше озабочено проблемами обеспечения стабильности и безопасности, нежели уровнем демократии в стране¹³.

Избранный в ноябре 2015 и переизбранный в ноябре 2020 г. Р. М. Каборе сделал национальное примирение приоритетом своего нового срока. Это, в частности, подразумевает возможное возвращение бывшего президента Б. Компаоре в Буркина-Фасо (на начало 2021 г. он пребывал в столице Кот-д'Ивуара Абиджане, однако на семилетие свержения его режима возвращение президента в страну так и не состоялось). В ходе последней избирательной кампании глава государства неоднократно заявлял, что он не против возвращения своего предшественника, но что тот должен будет ответить перед правосудием, если население этого потребует. В 2021 г. дело по вовлеченности Б. Компаоре в убийство бывшего президента республики Т. Санкары рассматривается военным судом. Существующие работы на тему революции 2014 г. в Буркина-Фасо¹⁴, а также наше полевое исследование в Уагадугу 26.10.2021–29.10.2021 показывают, что многие буркинийцы, как правящий класс, так и простые граждане, уверены в том, что в убийстве бывшего президента виноват Б. Компаоре.

¹³ Это достаточно убедительно показало полевое исследование в Буркина-Фасо, проведенное 28 октября 2021 г. в кампусе Университета Уагадугу.

¹⁴ См., например: Phelan 2016: 114.

Об импорте джихадизма в результате деятельности трансграничных радикальных исламистских группировок говорят и исследователи Международной кризисной группы (Crisis Group 2016). Терракты 15 января 2016 г., 3 марта 2018 г., когда группа вооруженных боевиков атаковала здания главного штаба армии Буркина-Фасо и посольства Франции в Уагадугу, соответственно, в результате которых погибли до 28 человек, включая восемь вооруженных боевиков, и последующие акты террора вызвали серьезный шок у всего населения вне зависимости от религиозной принадлежности, а также вынудили президента Р. Каборе ввести военное положение и призвать граждан сотрудничать с силовиками в деле борьбы с терроризмом.

Отмечается, что в 2019 г. уровень насильственной дестабилизации в Буркина-Фасо достиг беспрецедентных национальных показателей, число жертв выросло более чем в 7 раз (Ben-Zur, Toole 2020). Самая кровопролитная атака с 2015 г., согласно данным СМИ, произошла в июне 2021 г. в районе северного города Сохлан, когда 160 жителей расположенной на окраине этого города деревни были убиты исламистами (France 24 2021). В августовской атаке того же года также на севере Буркина-Фасо жертвами пали 80 человек (Anadolu Agency 2021).

В результате действий вооруженных исламистских формирований под флагами ал-Каиды и ИГ более миллиона человека (или 5 % населения на 2020 г.) были вынуждены мигрировать. К 2019 г. джихадистское насилие распространилось с севера страны на восток. Отмечается, что рост нестабильности в стране имеет многие ключевые характеристики гражданской войны (Wilkins 2020).

Исследователи отмечают, что основной причиной эскалации уровня террористической опасности в стране является слабое государство, а военная интервенция или решение вопроса через армию не являются панацеей против этой эскалации. Подчеркивается, что без усиления государственных институтов политическая стабильность еще долго не наступит в Буркина-Фасо (Barlow, Dobos, Riegl 2021; Hassan 2020).

Исследователи Международной кризисной группы на основе ряда проведенных интервью отмечают, что модель конфессиональной и этнической терпимости *parente a plaisanterie*, которой так гордились буркинийцы, потерпела разлад (о проблемах межкон-

фессиональных трений и конфликтов в зоне Сахеля, включая Буркина-Фасо см.: Гринин 2020а). Заявление, выпущенное Федерацией исламских ассоциаций Буркина-Фасо (ФИАБ), осуждающее нападения, показало, что мусульманский истеблишмент страны ни в каком случае не поддерживает действия радикалов. Нападения были раскритикованы как противоречащие исламу, при этом отмечаются случаи словесных оскорблений в отношении мусульман со стороны приверженцев других религий. Эти инциденты остаются редкими, но вызвали обеспокоенность и побудили правительство выступить с рядом заявлений о росте нетерпимости по отношению к мусульманам в стране (Crisis Group 2016).

При этом респонденты, опрошенные нами во время полевого исследования в городе Уагадугу 26–29 октября 2021 г., склонны отрицать наличие этого раскола в стране. Вполне возможно, что мнения о расколе преобладают у резидентов более северных и пограничных районов страны ввиду их неподконтрольности центральному.

Подобные расхождения, выявленные в ходе проведения полевых исследований, могут свидетельствовать о высоком уровне регионализации этой проблемы: в столице она стоит менее остро, чем в отдаленных от нее районах.

Некоторые исследователи также отмечают, что с момента начала терактов в стране наблюдается определенный рост некоторых исламистских настроений. Они говорят, что мусульмане «впервые почувствовали себя большинством». Утверждается, что исламизация общества (которая выражается в том, что большее число мусульман стало носить традиционные исламские одежды, более трепетно подходить к исламским обрядам и, например, требовать от правительства учитывать график их молитв при формировании рабочего расписания) привела к некоторым сдвигам в межконфессиональных отношениях (Crisis Group 2016).

Проведенное авторами данной работы исследование в Уагадугу в октябре 2021 г. показывает, что для некоторых частей страны эти выводы не вполне применимы. Наши респонденты из правительства и гражданских движений склонны подчеркивать сохраняющуюся в центральных областях страны толерантность населения друг к другу, взаимоуважение и культуру добрососедства даже после эскалации террористической угрозы.

Современные нерешенные вопросы сводятся к борьбе с исламистским джихадизмом в стране. Проблема безопасности важнее для буркинийцев в настоящее время, нежели вопрос либерализации политического режима после прихода к власти Р. М. Каборе.

Библиография

- Бабкин С. Э. 2018.** Политическая конфликтология о реорганизации джихадистских группировок в Сахеле. *Вестник Института востоковедения РАН* 2: 118–127.
- Бабкин С. Э. 2021.** О джихадистских группировках в зоне Сахеля и раскладе сил между ними. *Вестник Института востоковедения РАН* 1: 218–224.
- Гринин Л. Е. 2020а.** Движение к устойчивым демократическим отношениям и национальному государству как длительный фактор возможной дестабилизации в странах афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 694–724.
- Гринин Л. Е. 2020б.** Движение обществ к зрелым социально-политическим и экономическим отношениям как длительный фактор возможной дестабилизации в странах Афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 666–693.
- Гринин Л. Е. 2020в.** Демографические процессы как базовый и длительный фактор возможной дестабилизации в странах Афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 181–199.
- Гринин Л. Е. 2020г.** Исламизм, радикализм, постисламизм в их отношении к светским режимам и государственной идеологии. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 829–853.
- Гринин Л. Е. 2020д.** Радикальный исламизм, религиозный фактор и дестабилизация в странах Афразийской макрзоны нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 810–828.

- Гринин Л. Е., Гринин А. Л. 2020.** Революции XX века: теоретический и количественный анализ. *Полис. Политические исследования* 5: 130–147.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2020.** Методологические пояснения к исследованию революционных событий. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 854–861.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2021.** О дефинициях революционных событий и их типологии. *Эволюция: о трендах универсальной эволюции* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель.
- Денисова Т. С., Костелянец С. В. 2021.** Раскол в «Боко Харам» и его последствия для региона бассейна озера Чад. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право* 14(2): 214–230.
- Жерлицына Н. 2020.** Перспективы распространения ИГИЛ после разгрома Халифата. *Азия и Африка сегодня* 7: 264–273.
- Ключников М.И. 2015.** Политическая жизнь в Буркина-Фасо: от переворота к перевороту. *Научный альманах* 10(4): 218–224.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Васькин И. А., Слинько Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. 2017.** *Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы.* М.: Учитель.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Малков С. Ю., Исаев Л. М., Билюга С. Э., Шишкина А. Р., Иванов Е. А., Мещерина К. В., Васькин И. А., Медведев И. А., Романов Д. М. 2021.** *Катализаторы политических переворотов: от акций протеста к смене власти. Анализ и моделирование процессов дестабилизации на примере модернизирующихся социально-политических систем.* М.: Ленанд/URSS.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Шишкина А. Р. 2016.** Арабская весна как квазисуперкритическое явление? *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабская весна в глобальном контексте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 127–156.
- Коротаев А. В., Лиокумович Я. Б., Хохлова А. А. 2021.** Революционные события в Мали (1960–2021 гг.). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Революционные процессы в африканской макрорегии нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель.
- Коротаев А. В., Лиокумович Я. Б., Хохлова А. А., Зинькина Ю. В. 2021.** Революционные и квази-революционные процессы в Нигере. *Си-*

стемный мониторинг глобальных и региональных рисков. Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель.

Коротаев А. В., Мещерина К. В., Исаев Л. М., Искосков А. С., Куликова Е. Д., Дельянов В. Г., Херн У. Д. 2016. Арабская весна как триггер глобальной социально-политической дестабилизации: опыт систематического анализа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабская весна в глобальном контексте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 22–126.

Коротаев А., Мещерина К., Каткова В. 2019. Эхо «Арабской весны» в странах Африки южнее Сахары: опыт количественного анализа. *Азия и Африка сегодня* 1: 17–24.

Коротаев А. В., Мещерина К. В., Куликова Е. Д., Дельянов В. Г. 2017. Арабская весна и ее глобальное эхо: количественный анализ. *Сравнительная политика* 8(4): 113–126.

Коротаев А. В., Мещерина К. В., Хохлова А. А., Евдокимова К. С. 2018. Волна социально-политической дестабилизации 2010-х гг. в странах Тропической и Южной Африки: предварительные результаты количественного анализа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Социально-политическая и экономическая дестабилизация: анализ страновых и региональных ситуаций в мир-системном аспекте* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, К. В. Мещерина. Волгоград: Учитель. С. 296–319.

Коротаев А., Романов Д., Медведев И. 2019. Эхо «арабской весны» в Восточной Европе: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 18(1): 31–81.

Коротаев А. В., Соковнина Е. М., Шадрова А. О. 2020. Эхо Арабской весны в странах Азии: опыт количественного анализа. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник. Т. 11* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 629–665.

Коротаев А. В., Устюжанин В. В. 2021. О структурно-демографических факторах вооруженных исламистских революционных выступлений в странах группы G5 Сахель. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Революционные процессы в афразийской макроне нестабильности и их глобальный контекст* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель.

- Коротаев А. В., Шишкина А. Р., Исаев Л. М. 2016.** Арабская весна как триггер глобального фазового перехода? *Полис. Политические исследования* 3: 108–122.
- Кривушин И. В. 2012а.** Абубакар Сангуле Ламизана. *История Африки в биографиях* / Отв. ред. Б. А. Давидсон. М.: РГГУ. С. 569–573.
- Кривушин И. В. 2012б.** Навалагмба Морис Ямеого. *История Африки в биографиях* / Отв. ред. Б. А. Давидсон. М.: РГГУ. С. 742–745.
- Кривушин И. В. 2012в.** Тома Исидор Ноэль Санкара. *История Африки в биографиях* / Отв. ред. Б. А. Давидсон. М.: РГГУ. С. 650–655.
- Лебедева Э. Е. 2015.** «Боко Харам» и региональная нестабильность. *Запад – Восток – Россия* 2014: 167–173.
- Романов Д. М., Медведев И. А. и Коротаев А. В. 2019.** Структурно-демографические факторы социально-политической дестабилизации в странах Сахеля: факторы и прогнозные сценарии (предварительные результаты). *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: ежегодник* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Д. А. Быканова. Волгоград: Учитель. С. 388–400.
- ТАСС. 2015.** СМИ: путчисты и армия Буркина-Фасо подписали соглашение с целью избежать насилия. *ТАСС* 23 сентября. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/2283535> (дата обращения: 12.11.2021).
- Травертон Г. 2015.** Затишье перед бурей. *Ислам в современном мире* 4(36): 91–96.
- Филиппов В. Р. 2014.** Буркина Фасо: политический кризис 2011 года. *Геополитический журнал* 3: 48–66.
- Филиппов В. Р. 2015.** Блез Компаоре: изгнание с Олимпа. *Геополитический журнал* 1: 52–72.
- Фитуни Л. Л. 2018.** Подразделения и союзники ИГИЛ в Африке: среднесрочный прогноз дальнейшей активности. *Азия и Африка сегодня* 12: 11–17.
- Фитуни Л. Л., Абрамова И. О. 2014.** Агрессивные негосударственные участники геостратегического соперничества в «исламской Африке». *Азия и Африка сегодня* 12: 8–15.
- Хохлов Н., Васильев А., Беличенко А., Кирдянкина П., Коротаев А. 2021.** Эхо Арабской весны в Западной Европе: опыт количественного анализа. *Международные процессы* 19(2): 21–49.
- Afriye F. A. 2019.** BURKINA FASO: An Inquisition of Ansaroul Islam Insurgency in West Africa and Its Emerging Threat. *Conflict Studies Quarterly* 29: 3–16.

- Akaev A., Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2017.** Technological development and protest waves: Arab spring as a trigger of the global phase transition? *Technological Forecasting and Social Change* 116: 316–321.
- Anadolu Agency. 2021.** Death toll from terrorist attack in Burkina Faso rises to 80. *Anadolu Agency* 20.08.2021. URL: <https://www.aa.com.tr/en/africa/death-toll-from-terrorist-attack-in-burkina-faso-rises-to-80/2340819>.
- Andrews S., Honig L. 2019.** Elite defection and grassroots democracy under competitive authoritarianism: evidence from Burkina Faso. *Democratization* 26(4): 626–644.
- Baldaro E., Diall Y. S. 2020.** The End of the Sahelian Exception: Al-Qaeda and Islamic State Clash in Central Mali. *The International Spectator* 55(4): 69–83.
- Baldaro E., Seydou Y. D. 2020.** The End of the Sahelian Exception: Al-Qaeda and Islamic State Clash in Central Mali. *The International Spectator* 55(4): 69–83.
- Barlow E., Dobos B., Riegl M. 2021.** Beyond Ouagadougou: State-Building and Jihadism in Burkina Faso. *African Security Review* 30(20): 152–169.
- Bassou A., Guennoun I. 2017.** Le Sahel Face Aux Tendances Al Qaeda Et Daech: Quel Dénouement Possible? *Policy Brief* 17.01. URL: media.africaportal.org/documents/FOCPPC-PB1701_0_uAiAgyE.pdf&clen=2141812&chunk=true.
- BBC News. 2011.** Burkina Faso: bloody end to Bobo Dioulasso mutiny. *BBC News* 04.06.2011. URL: <https://www.bbc.com/news/world-africa-13656137>.
- Ben-Zur B., Toole G. 2020.** *Burkina Faso Security: Threats, Challenges, & Response*. International Institute for Counter-Terrorism. Herzliya: International Institute for Counter-Terrorism.
- Bertrand E. 2021.** *Mobilization, Negotiation, and Transition in Burkina Faso*. Washington, DC: United States Institute of Peace.
- Bmouni D. 2017.** Fighting terrorism in Burkina Faso. *Defense WEB* 15.02. URL: <https://www.defenceweb.co.za/joint/diplomacy-a-peace/fighting-terrorism-in-burkina-faso/>.
- Bonkougou M. 2012.** Freed Italian, Spanish Hostages Head for Europe. *Reuters* 19.07. URL: <https://www.reuters.com/article/us-mali-hostages-idUSBRE86I0JQ20120719>.
- Brett P. 2021.** Revolutionary Legality and the Burkinabe Insurrection. *Journal of Modern African Studies* 59(3): 273–294.

- Chouli L. 2011.** Popular protests in Burkina Faso. *Pambazuka News* 30.03. URL: <https://www.pambazuka.org/governance/popular-protests-burkina-faso>.
- Chouli L. 2012.** *Burkina Faso 2011: chronique d'un mouvement social*. Lyon: Tahin Party.
- Clark A. F. (1995).** From Military Dictatorship to Democracy: The Democratization Process in Mali. *Journal of Third World Studies* 12(1): 201–222.
- Crisis Group. 2016.** *Burkina Faso: Preserving the Religious Balance*. Brussels: Crisis Group.
- De Castelli L. 2014.** Mali: From Sanctuary to Islamic State. *The RUSI Journal* 159(3): 62–68.
- Engels B. 2015.** Different means of protest, same causes: popular struggles in Burkina Faso. *Review of African Political Economy* 42(143): 92–106.
- Foreign Policy. 2020.** West Africa Is Increasingly Vulnerable to Terrorist Groups. *Foreign Policy* 04.04. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/04/04/west-africa-is-increasingly-vulnerable-to-terrorist-groups/>.
- France 24. 2021.** Islamist groups target civilians in “cycle of vendettas”. *France 24* 07.06. URL: <https://www.france24.com/en/africa/20210607-burkina-faso-islamist-groups-target-civilians-in-cycle-of-vendettas>.
- Goldstone J., Grinin L., Korotayev A. 2022.** Introduction. Changing yet Persistent: Revolutions and Revolutionary Events. *Handbook of Revolutions in the 21st Century: The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* / Ed. by J. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Cham: Springer. URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-86468-2_1.
- Hagberg S. 2015.** ‘Thousands of New Sankaras’: Resistance and Struggle in Burkina Faso. *Africa Spectrum* 50(3): 109–121.
- Hagberg S., Kibora L., Ouattara F., Konkobo A. 2015.** Au cœur de la révolution burkinabè. *Anthropologie & développement* 42–43: 199–224.
- Harmon S. A. 2014.** *Terror and Insurgency in the Sahara-Sahel Region*. London: Routledge.
- Harsch E. 2014.** *Thomas Sankara: An African Revolutionary*. Athens, OH: Ohio University Press.
- Harsch E. 2017.** *Burkina Faso. A History of Power, Protest and Revolution*. London: Zed.
- Hart A. 2014.** Peace in the land of upright people: religion and violence in Burkina Faso. *Journal for the Study of Religion* 27(2): 172–194.
- Hassan H. A. 2020.** A New Hotbed for Extremism? Jihadism and Collective Insecurity in the Sahel. *Asian Journal of Peacebuilding* 8(2): 203–222.

- Hitman G. 2020.** Rethinking Social Protest Movements' Theorization: Lessons from Egypt, Burkina Faso and Bolivia. *Trames Journal of the Humanities and Social Sciences* 24(1): 95–112.
- Huckabey J. M. 2013.** Al Qaeda in Mali: The Defection Connections. *Orbis* 57(3): 467–484.
- Ibrahim J. 1994.** Political exclusion, democratization and dynamics of ethnicity in Niger. *Africa Today* 41(3): 15–39.
- Ibrahim I. Y. 2017.** *The Wave of Jihadist Insurgency in West Africa: Global Ideology, Local Context, Individual Motivations*. Paris: OECD Publishing.
- Kalyvas S. N. 2015.** Is ISIS a Revolutionary group and if Yes, What are the Implications? *Perspectives on Terrorism* 9(4): 42–47.
- Koehler K., Albrecht H. 2021.** Revolutions and the military: Endgame coups, instability, and prospects for democracy. *Armed Forces & Society* 47(1): 148–176.
- Korotayev A., Meshcherina K., Shishkina A. 2018.** A Wave of Global Sociopolitical Destabilization of the 2010s: A Quantitative Analysis. *Democracy and Security* 14(4): 331–357.
- Lane P.R., Milesi-Ferretti G.M. 2007.** The External Wealth of Nations Mark II: Revised and Extended Estimates of Foreign Assets and Liabilities, 1970–2004. *Journal of International Economics* 73: 223–250.
- Le Faso.net 2011.** Manifestations Des Scolaires Au Burkina: l'Unir/PS Dénonce Des "Arrestations Arbitraires". *Le Faso.net* 14.04. URL: <http://lefaso.net/spip.php?article41131>.
- Le Monde. 2011.** La Mutinerie De Militaires Gagne Une Quatrième Ville Du Burkina Faso, Des Jeunes Manifestent. *Le Monde* 18.04. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2011/04/18/la-mutinerie-de-militaires-gagne-une-quatrieme-ville-du-burkina-faso_1509237_3212.html.
- Le Monde. 2014.** Burkina Faso: manifestation massive contre le régime de Blaise Compaoré. *Le Monde* 28.10. URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2014/10/28/burkina-faso-manifestation-massive-contre-le-main-tien-au-pouvoir-du-president_4513770_3212.html.
- Le Roux P. 2019.** Exploiting Borders in the Sahel: The Islamic State in the Greater Sahara. *Africa Center for Strategic Studies* 10.06. URL: <https://www.africacenter.org/spotlight/exploiting-borders-sahel-islamic-state-in-the-greater-sahara-iggs/>.
- Lopes M., Garcia S. 2015.** Brûlé, le pouvoir de Blaise. *Z: Revue itinérante de enquête et de critique sociale* 9: 194–201.

- Koehler K., Albrecht H. 2021.** Revolutions and the military: Endgame coups, instability, and prospects for democracy. *Armed Forces & Society* 47(1): 148–176.
- Lounnas D. 2014.** Confronting Al-Qa'ida in the Islamic Maghrib in the Sahel: Algeria and the Malian Crisis. *The Journal of North African Studies* 19(5): 810–827.
- Lounnas D. 2019.** Jihadism in the Sahel after the fall of the Islamic State. *Politique étrangère* 2: 105–114.
- Lyammouri R. 2020.** *Burkina Faso Elections, Another Box to Check*. Rabat: Policy Center for the New South.
- Nasr W. 2020.** *ISIS in Africa: The End of the "Sahel exception"*. Washington, DC: Center for Global Policy.
- Nsaibia H. 2021.** The Conflict Between Al-Qaeda and the Islamic State in the Sahel, A Year On. *Italian Institute for International Political Studies* 03.03. URL: <https://www.ispionline.it/en/pubblicazione/conflict-between-al-qaeda-and-islamic-state-sahel-year-29305>.
- Nsaibia H., Weiss C. 2020.** The End of the Sahelian Anomaly: How the Global Conflict between the Islamic State and al-Qaida Finally Came to West Africa. *CTC Sentinel* 13(7): 1–14.
- Ngenge Y. 2014.** Don't Touch My Constitution! Burkina Faso's Lesson. *OpenDemocracy* 04.11.2014. URL: <https://www.opendemocracy.net/en/dont-touch-my-constitution-burkina-fasos-lesson/>.
- Ortmans O., Mazzeo E., Meshcherina K., Korotayev A. 2017.** Modeling Social Pressures Toward Political Instability in the United Kingdom after 1960: A Demographic Structural Analysis. *Cliodynamics* 8(2): 113–158.
- Penny J. 2018.** Blowback in Africa: How America's Counterterror Strategy Helped Destabilize Burkina Faso. *The Intercept* 22.11.2018. URL: <https://theintercept.com/2018/11/22/burkina-faso-us-relations/>.
- Phelan C. 2016.** Plus ça change: trade unions, the military and politics in Burkina Faso, 1966 and 2014. *Labor History* 57(1): 107–125.
- Raafat L. 2021.** The Schism of Jihadism in the Sahel. *MEI* 13.10.2021. URL: <https://www.mei.edu/publications/schism-jihadism-sahel-how-al-qaeda-and-islamic-state-are-battling-legitimacy-sahelian>.
- Raineri L. 2018.** *If Victims Become Perpetrators. Factors Contributing to Vulnerability and Resilience to Violent Extremism in the Central Sahel*. London: International Alert.

- Raineri L. 2020.** Explaining the rise of Jihadism in Africa: The crucial case of the Islamic State of the Greater Sahara. *Terrorism and Political Violence*. URL: <https://doi.org/10.1080/09546553.2020.1828078>.
- RFI. 2011** Mutinerie Au Burkina Faso: Chronologie Des Événements. *RFI* 18.04. URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/5min/20110415-suivez-situation-burkina-faso-minute-minute>.
- RFI. 2015.** Burkina Faso: les raisons de la victoire de Roch Kaboré. *RFI* 01.12. URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20151201-burkina-faso-raisons-victoire-roch-marc-christian-kabore-blaise-compaore>.
- Sampana L. 2015.** La Démilitarisation paradoxale du pouvoir politique au Burkina Faso. *Les Champs de Mars* 3(28): 34–49.
- Smith D. 2014.** Power struggle in Burkina Faso after Blaise Compaoré resigns as president. *The Guardian* 01.11. URL: <https://www.theguardian.com/world/2014/oct/31/burkina-faso-president-blaise-compaore-ousted-say-s-army>.
- START** [National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism]. **2021.** *Global Terrorism Database*. College Park, MD: National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/>.
- Strategic Comments 2019.** Burkina Faso and jihadism in West Africa. *Strategic Comments* 25(6): 8–10.
- Stroh A. 2021.** Traces of socialism in Burkina Faso's party system: the trajectory of Sankarism in times of political liberalization. *Canadian Journal of African Studies/Revue canadienne des études africaines* 55(2): 351–371.
- The Guardian. 2011.** Burkina Faso regime threatened by military mutiny across country. *The Guardian* 19.04. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/apr/19/burkina-faso-military-mutiny>.
- The Guardian. 2019.** Kalashnikovs and No-Go Zones: East Burkina Faso Falls to Militants. *The Guardian* 22.04. URL: <https://www.theguardian.com/global-development/2019/apr/22/kalashnikovsand-no-go-zones-east-burkina-faso-falls-to-militants>.
- The New York Times. 2011.** Protesters demand Presidents ouster in Burkina Faso. *The New York Times* 20.04. URL: <https://www.nytimes.com/2011/05/01/world/africa/01burkina.html>.
- Thurston A. 2019.** *Escalating Conflicts in Burkina Faso*. Dakar: RLS – West Africa.
- USA Today. 2012.** Al-Qaeda carves out its own country in Mali. *USA Today* 31.12. URL: <https://www.usatoday.com/story/news/world/2012/12/31/al-qaeda-mali/1800787/>.

- Wagner D., Cafiero G. 2019.** Burkina Faso: Islamic State and Al-Qaeda's New Sanctuary. *The New Arab* 04.09. URL: <https://english.alaraby.co.uk/opinion/burkina-faso-islamic-state-and-al-qaedas-new-sanctuary>.
- Walther O., Christopoulos D. 2015.** Islamic Terrorism and the Malian Rebellion. *Terrorism and Political Violence* 27(3): 497–519.
- Warner J. 2017.** Sub-Saharan Africa's Three 'New' Islamic State Affiliates. *CTC Sentinel* 10(1): 28–32.
- Wilkins H. 2020.** How has Burkina Faso changed since the 'insurrection'? *Aljazeera* 21.11. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/11/21/how-has-burkina-faso-changed-since-the-insurrection>.
- Wilkins M. 1989.** The death of Thomas Sankara and the rectification of the people's revolution in Burkina Faso. *African Affairs* 88(352): 375–388.
- Wing S. 2008.** *Constructing democracy in transitioning societies of Africa: Constitutionalism and deliberation in Mali*. New York: Palgrave Macmillan.
- World Bank. 2021.** *World Development Indicators Online*. Washington, DC: World Bank. URL: <http://data.worldbank.org/indicator>.
- Zenn J. 2020.** Islamic State in West Africa Province and the Battle with Boko Haram. *Terrorism Monitor* 18(6): 6–8.
- Zimmerer M. 2019.** Terror in West Africa: a threat assessment of the new Al Qaeda affiliate in Mali. *Critical Studies on Terrorism* 12(3): 491–511.